

Глава 1

ЖЕЛУДЬ

Дотори-мук

(корейский рецепт)

*Желе из корейского желудя с листьями салата,
огурцом и морковью с острой соевой заправкой*

Желудь, то есть орех дуба, особо вкусным назвать трудно. Известно, что в давние времена его употребляли в пищу некоторые коренные американцы, особенно из Калифорнии, а также жители нескольких местечек в Японии. Эти люди вынуждены были питаться желудями, когда не могли купить или найти более привлекательные источники углеводов, — точно так же, как бедные жители севера Италии подмешивали к дорогостоящей пшеничной муке для пасты муку из каштанов для увеличения объема.

Но корейцы едят желуды *дотори* (dotori) с удовольствием и в большом количестве в виде овощного желе — *мук* (mook). Я обожаю *дотори-мук*. Мне очень нравится ореховый и слегка горчащий привкус желудя, подчеркнутый солено-острым вкусом *яннем ганджанга* (yangnyum ganjang) — соуса, который обычно делают из соевого соуса (*ганджанга*), кунжутного масла и приправ (*яннем*): мелко нарезанного зеленого лука, молотого перца чили и семян кунжута. А если покрошить туда немного огурца и моркови, получится отличный салат.

Но как бы мне ни нравился *дотори-мук*, я признаю, что это отнюдь не деликатес. Это еда, которую вам предложат в высокогорной

крестьянской лавчонке после тяжелого утреннего восхождения или в дешевой закуской в низовье. Согласитесь, довольно сложно представить деликатес на основе желудка...

...Если только вы не кормите им иберийских свинок, также известных как *pata negra* (черное копыто). Ветчина, приготовленная из ножек этих свиней, славится во всем мире как *иберийский хамон* (*Jamón Ibérico*). Этот продукт высочайшего качества производится из мяса свиней *pata negra*, откормленных на свободном выгуле. В последние дни своей жизни свинки питаются исключительно желудями в дубовых лесах, и потому полное название хамона — *Jamón Ibérico de bellota* (то есть иберийский хамон на желудях) [5]. Желудь придает свинине несравненный глубокий ореховый привкус. Несмотря на всю мою любовь к пармской ветчине (*Prosciutto di Parma*) со сладкой дыней, я считаю иберийский хамон лучшей ветчиной в мире. Надеюсь, мои итальянские друзья, крайне, надо сказать, неуступчивые в гастрономических вопросах, простят меня за это. И дороговизна данного продукта подтверждает, что многие люди в мире — не итальянцы, конечно, — со мной согласны.

Ветчина — это основа испанской культуры. Ну скажите на милость, в какой еще стране могли снять кинофильм под названием «Ветчина, ветчина» (фильм, в котором дебютировала Пенелопа Крус, а также снимался Хавьер Бардем; оригинальное название — *Jamón Jamón*)? Продукт этот стал значимым во времена, когда христиане, сражаясь с мусульманами, некогда контролировавшими львиную долю Пиренейского полуострова, основали Испанию. Одним из важных отличий христиан от мусульман было то, что первые ели свинину, а вторые — ни в коем случае. Свинина стала, по сути, символом христианской идентичности [6].

В Испании жил еще один народ, категорически не употреблявший в пищу свинину, — евреи; они тоже сильно пострадали в эпоху христианского Возрождения. В 1391 году многие евреи под угрозой толп разъяренных христиан были вынуждены обратиться в христианство, иначе им грозила смерть. Так вот, этих насильственно обращенных евреев заставляли, дабы продемонстрировать искренность обращения, прилюдно есть свинину. Но некоторые *обращенные* по-прежнему тайно исповедовали свою религию; они

не употребляли в пищу свинину и моллюсков, не смешивали молочные и мясные продукты (а также продолжали многие другие религиозные практики, являющиеся неотъемлемой частью их ритуалов и праздников).

А потом, в 1478 году, была основана печально известная испанская инквизиция, и одной из ее целей стала поимка таких псевдообращенных (их называли *мараны* — слово, по мнению некоторых исследователей, происходящее от арабского, которым обозначается свинья)*.

Так вот, один из их излюбленных методов заключался в наблюдении за дымоходом в доме подозреваемого в субботний день. Если люди, жившие в доме, продолжали блюсти правила еврейского Шаббата, дым из трубы не шел: следующие своим религиозным правилам евреи ни за что не стали бы в этот день готовить. А еще инквизиторы по субботам ходили по улицам, выискивая (точнее, вынюхивая) дома, из которых не доносились запахи готовящейся пищи [7].

В январе 1492 года *Реконкиста* завершилась. Христиане окончательно изгнали мусульман с Пиренейского полуострова. Позднее в том же году королевским декретом из ставших христианскими владений были изгнаны и евреи. Далее дурному примеру Испании последовала Португалия. Многие евреи, изгнанные из Испании и Португалии, бежали в Османскую империю, тогдашний центр мусульманского мира. Известный турецкий экономист Дэни Родрик, потомок одного из таких переселенцев, как-то сказал мне, что изначально его фамилия звучала как «Родригес» — типичное имя иберийского еврея.

Сегодня то, что преследуемые христианами евреи бежали в мусульманскую страну, многим покажется странным, но в те времена это был очевидный выбор. По сравнению с Испанией и другими христианскими странами Османская империя с гораздо большей терпимостью относилась к религиозным меньшинствам, в том

* Кстати, испанское *bellota* (желудь) происходит от арабского слова, обозначающего дуб (*balewt*), что еще раз подтверждает силу влияния мусульман на испанскую культуру. Огромное спасибо Реде Шериф за то, что просветила меня на этот счет.

числе и к евреям. Султан Баязид II принимал евреев с распростертыми объятиями, по-видимому считая все утраченное католическим монархом своим приобретением.

Оказавшись в Османской империи, евреи, как и все тамошние немусульмане, были обязаны платить более высокие налоги, зато им позволялось свободно исповедовать свою религию и управлять своими общинами по собственному усмотрению. В новой стране проживания представители этого народа были и придворными советниками, и дипломатами, и купцами, и мануфактурщиками, и носильщиками, и масонами. Так что, как видите, вопреки мнению некоторых, нетерпимость — это вовсе не обязательная характеристика ислама.

При ближайшем рассмотрении не выдерживают критики и некоторые другие негативные культурные стереотипы, касающиеся этой религии. Многие люди, например, считают ислам воинственным и милитаристским, чему, безусловно, в большой мере способствовали мусульмане-фундаменталисты. Этим объясняется распространенное неверное понимание термина «*джихад*»: изначально им обозначалось истовое стремление к какой-либо достойной цели, а со временем он стал означать религиозную войну мусульман против неверных. Но хотя в исламе и есть направление, допускающее милитаристскую интерпретацию, в нем четко акцентируется приоритетность учебы, на что указывают, в частности, слова пророка Мухаммеда о том, что «чернила ученого более святы, чем кровь мученика». Кстати, если бы мусульмане не перевели на арабский многие классические греческие и латинские тексты, тем самым сохранив их для потомков, которые впоследствии перевели их на все европейские языки, не видать бы нам с вами никакого Ренессанса. Христиане в Европе дохристианскими текстами не просто пренебрегали, а активно уничтожали их, объявляя языческими.

Еще один ложный стереотип представления об исламе — понимание его как религии исключительно возвышенной, совершенно чуждой практическим вопросам вроде научного прогресса или стимулирования экономического развития. Однако на самом деле ислам часто был заточен на культурные ценности, способствующие развитию экономики. В Средние века, например, мусульманский

мир достиг гораздо более высокого, чем Европа, уровня развития в области математики и естественных наук (особенно в Багдаде и его окрестностях в X и XI веках), равно как и в области юриспруденции. Просто обратите внимание на то, как много у нас сегодня научных терминов арабского происхождения: алкоголь, алгебра, алгоритм (суть и сущность искусственного интеллекта!) и далее по алфавиту (al — это определенный артикль в арабском языке). Перечислять можно практически бесконечно. Хорошо была развита у мусульман и торговля, арабские купцы торговали со всеми: от Кореи на востоке до Африки на западе, не говоря уже о Средиземноморье. Социальный статус исламских торговцев был весьма высоким не в последнюю очередь потому, что пророк Мухаммед сам происходил из славного купеческого сословия. Будучи религией торговцев, ислам чрезвычайно серьезно относился к договорному праву. Мусульманские страны начали профессионально готовить судей на несколько столетий раньше, чем христианские: в большинстве европейских стран до XIX века было даже не обязательно обучаться юриспруденции, чтобы стать судьей.

Ислам обладает еще одной важной характеристикой, которая в потенциале делает его религией, более способствующей экономическому развитию, нежели другие религии и культуры. Дело в том, что, в отличие от индуизма в Южной Азии или конфуцианства* в Восточной Азии, в мусульманской культуре нет кастовой системы. А она серьезно ограничивает выбор профессии и рода занятий: все зависит от того, в какой семье родился человек. Это, в свою очередь, снижает социальную мобильность людей.

Нам всем хорошо известны сложность и жесткость индийской кастовой системы и ее негативное влияние на социальную мобильность граждан этой страны. Кастовая система в традиционных конфуцианских обществах была не такой развитой и сильной, но и ее нельзя сбрасывать со счетов. Некоторая степень социальной

* Конфуцианство — это не религия, а политико-социальная философия, созданная китайским философом Конгзи (другой вариант его имени Кун Фу-цзы в латинизированном виде звучит как «Конфуций»), умершим примерно в то время, когда родился великий греческий философ Сократ (начало V века до нашей эры).

мобильности в таких обществах присутствовала. Например, сын (но только сын) фермера мог сдать экзамен на государственную службу и влиться в правящую касту образованной бюрократии. Однако на практике это случалось крайне редко. Сыновей же ремесленников и торговцев (которые стояли на иерархической лестнице чуть выше рабов) к этому экзамену и вовсе не допускали. Стоит ли удивляться, что в раннее Новое время, даже после официального упразднения традиционной кастовой системы, конфуцианские страны столкнулись с серьезными проблемами: талантливая молодежь наотрез отказывалась идти в инженеры (к ним часто относились как к хорошо образованным ремесленникам) и бизнесмены (современный эквивалент торговцев). Эти профессии стали считаться респектабельными, только когда в конфуцианских странах начался экономический бум, сделавший проектирование и управление собственным делом материально выгодными, а инженеров и бизнесменов — влиятельными людьми.

Иными словами, в истории мусульманской культуры нет ровно ничего, что бы препятствовало прогрессу. Многие ее элементы, напротив, способствуют экономическому развитию — это и акцент на образовании, и давние традиции научного мышления, и отсутствие социальной иерархии, и высокий статус торговли, и сильное законничество, и большая терпимость к инакомыслящим. Наглядными иллюстрациями того, что ислам и экономический прогресс — явления вполне совместимые, можно считать Малайзию и Дубай.

Приходится признать: нередко люди по невежеству (а иногда и по злему умыслу) используют при оценке «чуждых» им культур негативные культурные стереотипы. Мы склонны выдергивать из общей картины только те отрицательные особенности культуры, которые не вписываются в наши представления о мире, и объяснять ими социально-экономические проблемы этих стран. Но из-за такого подхода мы не видим истинных причин их проблем.

Заметьте, что культурные стереотипы могут быть и «позитивными» — это когда мы преувеличиваем хорошие качества, которые видим в том или ином обществе (обычно, кстати, в собственном). Но и такие стереотипы искажают реальность и мешают нам понять истинные механизмы, в ней действующие.

Многие, например, объясняют восточноазиатское «экономическое чудо» конфуцианской культурой этого региона и считают, что оно стало возможным лишь благодаря акценту на трудолюбии, бережливости и образовании. А в какой культуре нет такого акцента? Между тем вот что пишет Сэмюэл Хантингтон, американский ветеран политологии и автор скандальной работы «Столкновение цивилизаций», пытаясь объяснить разницу в экономическом положении Южной Кореи и Ганы — двух стран, в начале 1960-х годов находившихся на примерно одинаковом уровне развития экономики (хотя на самом деле Корея была тогда намного беднее: доход на душу населения в ней составлял 93 доллара, тогда как в Гане — 190 долларов): «Тут, несомненно, сыграл роль целый ряд факторов, но... в значительной мере данная ситуация, безусловно, объясняется культурой. Южнокорейцы всегда высоко ценили бережливость, инвестиции, трудолюбие, образование, организованность и дисциплину. У ганцев же были другие ценности. То есть культура действительно имеет значение». Хантингтоново описание конфуцианской культуры является ярчайшим образцом позитивных культурных стереотипов: стараясь представить культуру в исключительно положительном свете, он выбирает только те элементы, которые вписываются в его понимание того, что правильно.

Разберемся в этом поподробнее. Итак, считается, что конфуцианство поощряет трудолюбие. А ведь в прошлом добравшиеся до Восточной Азии западные путешественники часто описывали тамошний народ как расслабленный и ленивый. Так, один австралийский инженер, которого японское правительство пригласило проинспектировать заводы и посоветовать, как можно повысить их производительность, в 1915 году писал: «Понаблюдав за вашими людьми за работой, я пришел к выводу, что вы всем довольная и не любящая напрягаться нация, которая совершенно не считается со временем. И ваши управляющие в ответ на мои замечания заявляли, что изменить эти унаследованные от предков национальные привычки совершенно невозможно» [8]. В 1912 году известный английский социолог и социальный реформатор Беатриса Уэбб, посетив Японию и Корею, рассказывала, что для японцев характерны «совершенно неприемлемые представления о досуге

и невыносимая личная независимость» [9], а моих предков описала так: «двенадцать миллионов грязных, деградировавших, угрюмых, ленивых и не имеющих религии дикарей, которые слоняются повсюду в грязных белых одеяниях самого неподобающего вида и живут в грязных земляных хижинах» [10]. И это, заметьте, слова одного из теоретиков-основателей *фабианского социализма*. А представляете, что тогда говорили о людях из конфуцианских стран типичные правые сторонники превосходства белой расы?

Что же касается знаменитого конфуцианского акцента на образовании, то в этой философии традиционно подчеркивалось, что речь идет исключительно об учебе, необходимой, чтобы сдать экзамен и поступить на госслужбу. В частности, это были знания в области политической философии и гуманитарных наук, не приносящие непосредственной пользы для экономического развития страны. Обучение же практическим навыкам (кроме земледелия), таким как изготовление разных полезных вещей или торговля ими, считалось чем-то низменным. А еще комментаторы вроде Хантингтона до небес возносят дисциплинированность, которую прививает людям конфуцианская культура (хотя Беатриса Уэбб отмечала, что с дисциплиной в Японии и Корее совсем скверно). Но эта дисциплина была следствием конформизма. И другие комментаторы утверждали, что из-за акцента на конформизме выходцам из Восточной Азии недостает оригинальности и предприимчивости. Впрочем, учитывая огромное количество технологических инноваций, притягивающих публику телесериалов, кинофильмов и необычной музыки, которые сегодня в огромном количестве производятся в Восточной Азии, это утверждение кажется мне все менее правдоподобным.

Я мог бы и дальше разрушать позитивные стереотипы представления о конфуцианстве, сформулированные Хантингтоном, но, думаю, суть вы уловили. Так же как ислам при желании можно представить в исключительно положительном свете, конфуцианство можно описать как явление в высшей степени негативное. Любая культура разнообразна и сложна, у нее множество как плохих, так и хороших аспектов. Толерантная, основанная на четких правилах, ориентированная на науку и коммерцию версия ислама столь

же реальна, как и версия о его оторванности от жизни, нетерпимости и милитаристской направленности. Точно так же в головах многих людей конфуцианство — исключительно позитивная философия, воспитывающая трудолюбие, стремление к учебе, бережливость и дисциплинированность. Но есть и другое представление о нем: что оно неэффективно, ибо, навязывая населению культуру усердного труда, конфуцианство ограничивает его социальную мобильность; что оно свысока смотрит на торговлю и практические производственные виды деятельности и подавляет в людях творческое начало. А то, как общество распоряжается своим «культурным сырьем», — это в значительной степени вопрос его выбора и, следовательно, действие политическое.

Не следует забывать, что правильная социально-экономическая политика способствует развитию, уравнивает возможности и дает другие преимущества в любом культурном контексте.

Еще относительно недавно в Японии и Корее не было современной промышленной рабочей силы с правильным отношением к учету рабочего времени и с жесткой производственной дисциплиной. И эту рабочую силу выковывали конкретными решительными мерами: дисциплину и привычку бережно относиться ко времени прививали в школах; повсеместно проводилась агрессивная идеологическая кампания, объяснявшая, как важно быть трудолюбивым в «отечественной войне» по «восстановлению нации» путем экономического развития; было принято трудовое законодательство, позволившее увеличить рабочее время и разрешить суровые условия труда.

Люди из конфуцианских стран начали активно вкладываться в образование вовсе не потому, что Конфуций подчеркивал важность эрудиции, а потому, что земельная реформа и другие политические решения, принятые после Второй мировой войны, существенно увеличили социальную мобильность местного населения и таким образом резко повысили значимость образования. Несмотря на то что конфуцианство было (и остается) официальной государственной идеологией Южной Кореи на протяжении нескольких веков, а также на то, что ее колонизировала другая конфуцианская страна, в 1945 году, на момент ухода японских колонизаторов, уровень

грамотности корейского населения составлял всего 22%. Примерно в то же время этот показатель в буддийском Таиланде составлял 53% (1947 год), на христианских Филиппинах — 52% (1948 год), а в преимущественно мусульманской Малайзии — 38% (1947 год) [11].

В 1960–1970-х, в первые годы корейского экономического бума, молодежь из-за давних конфуцианских культурных предубеждений не хотела заниматься ни естественными, ни инженерными науками. Для исправления ситуации правительство Кореи намеренно ограничивало количество мест в университетах, урезало финансирование факультетов гуманитарных и социальных наук и предоставляло лучшим выпускникам естественно-научных и технических отделений существенные льготы при призыве на обязательную военную службу. Понятно, что резкое увеличение в Корее числа выпускников естественно-научных и инженерных факультетов привело бы к созданию целой армии образованных безработных, если бы для них не было подходящих вакансий, как это, кстати, случилось во многих других развивающихся странах. Чтобы этого избежать, корейское правительство целенаправленно способствовало индустриализации путем прямого вмешательства государства (см. главы «Креветки» и «Лапша»), создавая для этой молодежи хорошо оплачиваемые и позволяющие самореализоваться рабочие места, которые выпускники могли занять по окончании учебы.

Идем далее. Увидев, что для конфуцианских стран характерен едва ли не самый высокий в мире уровень сбережений домохозяйств (в Корее в начале 1990-х годов, например, этот показатель достиг 22% от внутреннего валового продукта (ВВП), а в Китае в 2010 году — целых 39%), люди заговорили о бережливости как о культурной особенности. И это тоже было ошибкой.

Дело в том, что в начале 1960-х, когда Южная Корея была одной из беднейших стран мира, валовый (не только от домохозяйств) коэффициент сбережений в стране не дотягивал и до 3% от ВВП; в 1960 году он был менее 1%. Просто народ там был слишком беден, чтобы что-либо экономить. И никакая конфуцианская культура ничем не могла помочь.

В течение последующих трех десятилетий уровень сбережений в Корее, особенно сбережений домохозяйств, действительно сильно

вырос. Но случилось это вовсе не из-за якобы возрождения конфуцианской культуры, ведь на самом деле она ориентирована в основном на аграрное общество, так что из-за индустриализации и урбанизации эта культура постепенно чахла и слабела. Сбережения домохозяйств увеличивались главным образом потому, что страна стремительно росла, а рост потребления просто не поспевал за ростом доходов граждан. Кроме того, правительство, дабы обеспечить максимальное кредитование отечественных производителей, жестко ограничивало ипотечные и потребительские кредиты для населения. Так что корейцам, чтобы купить что-то дорогое вроде дома, автомобиля и даже холодильника, приходилось экономить.

В конце 1990-х годов Корея отменила эти ограничения, и через несколько лет сбережения домохозяйств резко упали — с 22% от ВВП на начало 1990-х (на тот момент самый высокий в мире показатель) до 3–5% (один из самых низких в мире) спустя какие-то несколько лет. По последним данным, доля сбережений корейских домохозяйств в ВВП страны (это средний показатель за 2005–2014 годы) составляет всего 5%, то есть в два раза меньше, чем в таких с виду расточительных странах Латинской Америки, как Чили (10,5%) или Мексика (11,4%) [12].

Глупо было бы отрицать, что культура влияет на наши ценности и на поведение людей и, следовательно, представляет собой один из факторов организации и развития экономики стран. Но способ, которым это воздействие осуществляется, ни в коем случае не вписывается в упрощенные и очень распространенные стереотипы. У любой культуры множество аспектов, сложных и постоянно развивающихся. Тут главное запомнить, что культура в значительно меньшей, нежели политика, мере определяет и индивидуальное экономическое поведение, и национальные экономические показатели, независимо от того, о ком идет речь: о корейцах, лакомящихся желудями, или же о мусульманах, которые не станут есть свинью, питавшуюся этими желудями.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

